

Рельефные и графические изображения личин под венчиком сосудов эпохи неолита Усть-Вагильского холма.

Уникальное явление в урало-западносибирской археологии — керамика с рельефными изображениями личин под венчиком привлекает внимание исследователей на протяжении длительного времени.

Каждый раз, обращаясь к уральскому феномену и публикуя новый корпус источников, авторы обязательно останавливаются на двух ключевых моментах: определению культурной принадлежности керамики и функциональному назначению сосудов. Суммируя различные точки зрения на сегодняшний день, можно сказать, что вывода о культовом характере сосудов с рельефными изображениями придерживаются многие исследователи данного вопроса.¹ Также большинство специалистов относят эту посуду к ранненеолитическому времени, отмечая, что большая часть опубликованных фрагментов принадлежит козловскому (кокшаровско-юринскому) типу керамики.² В.Т. Ковалева и В.А. Арефьев, рассматривая материалы с памятников лесного Зауралья: Кокшаровский и Махтыльский холмы, Чащиха, Полуденка I, дополняют, что в одном случае рельефные изображения были встречены на сосуде кошкинского типа (поселение ЮАО–VI), предполагая, что это результат заимствования.³ Их точку зрения разделяют А.Ф. Шорин и Л.В. Носкова, которые относят основной массив находок с Кокшаровского холма к кокшаровско-юринскому типу, но часть фрагментов с рельефными изображениями — к кошкинского типа сосудов.⁴ Дискуссионным является вопрос о функциональном назначении сосудов, который тесно связан с более конкретным — какие персонажи изображены на сосудах?

В.И. Мошинская предположила, что на рельефах изображены зооморфы, которые использовались в качестве апотропеев («отвращающий

беду» – греч.), рассматривая охранителями зооморфные головки, обращенные мордочкой внутрь сосуда. Если личина зверя была обращена мордочкой наружу, то, возможно, служила меткой на посуде для различной пищи.⁵

Ю.Б. Сериков, анализируя керамику с рельефными изображениями, с точки зрения «культы голов», бытовавшем на Урале в разные эпохи, поддерживает мнение В.М. Мошинской, что головки на сосудах являются апотропеями, выполняющими охранительную функцию. При этом он уточняет, что головки, обращенные внутрь сосуда, охраняют внешний мир от содержимого сосуда, а головки, обращенные наружу, соответственно, содержимое сосуда от вредных воздействий внешнего мира. Исходя из того, что в зооморфном пантеоне древних уральцев наиболее сильной защитной функцией обладает медведь, Ю.Б. Сериков предположил, что большая часть рельефов на сосудах изображает стилизованные головки медведя.⁶ В.Т. Ковалева и В.А. Арефьев относят рельефные изображения на сосудах к зооморфным тотемным предкам и связывают использование этой посуды с обрядами упрочения единства коллектива, рассматривая их как емкость для крови и мяса тотема.⁷

А.Ф. Шорин и Л.В. Носкова в статье, вышедшей в 2007 г., картографировали местонахождения 95 сосудов с рельефными изображениями, найденных на 28 памятниках, подробно проанализировали керамику Кокшаровского холма (57 фрагментов от 49 сосудов). Была создана типологическая классификация особенностей передачи изображений на сосудах. Далее мнения авторов разделились. А.Ф. Шорин склонен видеть в иконографии налестков (рельефов) зооморфные и орнитоморфные образы. Л.В. Носкова часть личин считает антропоморфами.⁸

В последней работе, вышедшей в 2010 г., А.А. Бунькова вводит в научный оборот фрагменты керамики с рельефными изображениями с Кокшаровского, Махтыльского, Усть-Вагильского холмов, Юрьинского поселения, Полуденки I, Чащихи из раскопок и сборов прошлых лет О.Н.

Бадера, А.И. Россадович, В.Ф. Старкова, П.К. Халяева, хранящихся в фондах Нижне-Тагильского музея-заповедника.⁹ Большую часть опубликованных фрагментов автор относит к кокшаровско-юринскому типу, единицы — к кошкинскому, ставя иногда знак вопроса. В отличие от других авторов, А.А. Бунькова дистанцируется от скрытых интерпретаций, использующихся в названии феномена «зооморфные и антропоморфные образы», и вводит термин «керамика с фигурными налечами».

В последние годы при раскопках на Усть-Вагильском холме найдена небольшая серия фрагментов керамики с рельефными и графическими изображениями личин, которая позволяет уточнить некоторые дискуссионные положения этого вопроса.

За шесть лет раскопок на Усть-Вагильском холме (2005–2010 гг.) вскрыто 80 кв. м на глубину до 4,67 м. Нижние слои холма, начиная с уровня –1,80 м, связаны с керамикой энеолитического гребенчатого типа, а с –2,40 м — с керамикой кокшаровско-юринского, сатыгинского и боборыкинского типов эпохи неолита, с преобладанием в нижних слоях керамики сатыгинского типа. Собрана представительная коллекция глиняной культовой пластики, которая лишь частично опубликована.¹⁰

Кроме орнито-, зоо- и антропоморфных фигурок и их обломков, на Усть-Вагильском холме найдены четыре фрагмента сосудов с рельефными изображениями в виде личины, обращенной во внешнюю среду. Три из них происходят из раскопок автора статьи, один из раскопок А.И. Россадович на Усть-Вагильском холме в 1970 г. (хранится в Нижне-Тагильском музее-заповеднике). Один фрагмент с графическим, условным изображением личины также происходит из раскопок автора.

1. Фрагмент сосуда (рис. 1 – 2) баночной формы с наплывом изнутри и волнистым венчиком, орнаментированным по краю косоу насечкой. Тесто с примесью песка. Цвет черепка серый, толщина стенки 0,5 см. Внутренняя поверхность черепка ровная, хорошо заглажена, без следов нагара, копоти. Фрагмент орнаментирован прямыми и волнистыми линиями, выполненными

плоской лопаточкой в отступающей технике. В верхней части сосуда под венчиком смоделированы три углубления (глаза и рот) между глаз — округло-овальный налест, изображающий, по-видимому, нос. Под нижним отверстием (ртом) — еще один овальный налест, изображающий бороду или подбородок. Относится к кокшаровско-юрьинскому типу керамики.

2. Фрагмент сосуда (рис. 1 – 5) баночной формы с прямым плоским неорнаментированным венчиком. Тесто с примесью шамота и песка, внутренняя сторона хорошо заглажена. Толщина стенки 0,5 см, в месте наплыва 0,9 см. На внешней стороне черепка фиксируется налестной валик с рядом насечек. После нанесения насечек валик был заглажен, из-за чего насечки выглядят затертыми. Ниже и выше валика фрагмент орнаментирован резными линиями — двойной зигзаг снизу и одинарный, небрежно исполненный — сверху. Под венчиком был сделан большой округлый налест, поверх которого косо поставленным инструментом нанесены три глубоких ямки. Нижняя граница налеста проходит под ямкой, условно названной ртом, и очерчивает подбородок и щеки. Таким образом, вся личина выполнена на самом налесте. Сатыгинский тип керамики.

3. Фрагмент сосуда (рис. 1 – 4) баночной формы с наплывом изнутри, волнистым венчиком, орнаментированным косыми насечками. Толщина стенки от 0,6 до 0,8 см. Тесто с примесью песка, сосуд хорошо заглажен с двух сторон. Орнамент в виде прямых полос и пояса из отдельных вдавлений выполнен в отступающе-накольчатой технике. В верхней части сосуда под венчиком на поверхности черепка фиксируются две глубоких симметричных ямки (глаза), между которыми расположен налест, в виде семечковидного выступа. Ямки нанесены строго по центру налеста. Кокшаровско-юрьинский тип.

4. Маленький фрагмент сосуда из раскопок А.И. Россадович на Устьвагильском холме (рис. 1 – 3). Фрагмент светло-серого цвета. Венчик плоский, оформленный косыми узкими насечками. Фрагмент орнаментирован горизонтальными линиями, выполненными в отступающей

технике, толщина стенки 0,6 см. Личина расположена в верхней части сосуда. Отверстия глаз и рта обозначены на плоской поверхности черепка. Между «глазами» подпрямоугольный слегка выступающий налест. Культурная принадлежность не определена (описание дано по А.А.Буньковой).¹¹

5. Фрагмент керамики с условным изображением (рис. 1 – 1). Сосуд баночной формы с сильно отогнутой наружу шейкой, венчик прямой, украшен неглубокими ямочными вдавлениями, без наплыва, толщина стенки 0,6 см, в тесте примесь песка. Цвет черепка снаружи темно-серый, изнутри — серо-желтый. Орнаментирован сплошными рядами зигзагов в технике прочерчивания. Часть рисунка справа была затерта еще до обжига сосуда, в центральной части орнамент на фрагменте залощен, по-видимому, от соприкосновения с мягким материалом (замшей, выделанной кожей) в процессе использования уже обожженного сосуда или фрагмента. В его верхней части поверх орнамента нанесены три глубокие ямки косо поставленным орудием: широко расставленные несимметричные «глаза» и, на небольшом расстоянии от них, рот. Над плоским изображением элементы орнамента образуют двойной зигзаг (верхнюю его точку), тоже несколько ассиметрично, по обе стороны двойного зигзага нанесены в технике отступления (которая больше не присутствует в узорах данного фрагмента) слева — 3 семечковидных вдавления и одна длинная черта, справа — 4 аналогичных вдавления. В сочетании с двойным зигзагом сверху, эти вдавления могут передавать в стилизованной манере уши животного. Сатыгинский (?) тип керамики.

Суммируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Небольшая выборка фрагментов с Усть-Вагильского холма включает в себя керамику не только с рельефными изображениями личин, но и графическим. Все сосуды не имеют следов копоти, нагара, прокаленности, следовательно, не имели контакта с огнем после обжига.

Три фрагмента сосудов, включая и хранящийся в фондах Нижне-Тагильского музея-заповедника, на наш взгляд, можно отнести к кокшаровско-юринскому типу керамики (рис. 1 – 2, 3, 4). Два других (рис. 1 – 1, 5) — к сатыгинскому типу. Стратиграфически два последних фрагмента залегают на глубине –3,5–3,6 м, тогда как кокшаровско-юринские значительно выше — от –2,1 до –3,1 м.

При рассмотрении вопроса об образах, изображенных на рельефах, ключевым, с нашей точки зрения, является следующий элемент иконографии: расположение глаз относительно носа/переносицы персонажа.¹² Если налеп, выполняющий роль носа, помещен между «глаз» и не распространяется выше на переносицу, то можно предполагать антропоморфность образа (рис. 1 – 2). На этом фрагменте антропоморфность подчеркнута и выдающимся вперед подбородком/бородой. Иначе расположен налеп у персонажа на фрагменте № 4. Четкий, выступающий овал с одинаково приостренными концами, прямо по центру которого расположены близко поставленные глаза. Возможно, так передан образ орнитоморфа с массивным клювом, загибающимся книзу. Личина, изображенная графически (рис. 1 – 1), при наличии ушек читается как зооморфная. Две других (рис. 1 – 3, 5) могут быть интерпретированы и как зооморфные, и как антропоморфные.

Находки с Усть-Вагильского холма пока не позволяют решить основную проблему ранненеолитической керамики с рельефными изображениями, но проливают свет на многообразие персонажей, используемых в орнаментации культовой посуды, что не противоречит мифологической картине мира каменного века в целом.

¹ Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала. - М., 1940; Мошинская В.И. О зауральских зооморфных изображениях, связанных с глиняной посудой (к вопросу о древних контактах в уральской среде) // Проблемы археологии и древней истории угров. - М. 1972. - С.56-65; Арефьев В.А. Зооморфные мотивы оформления края сосудов со стоянки Полуденка I // СА, - 1984, - № 1. - С.229-235; Ковалева В.Т., Арефьев В.А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопросы археологии Урала. - Вып. 21. - Екатеринбург, 1993. - С.107-118; Усачева И.В. К истокам мировоззрения

древних уральцев (по материалам мелкой глиняной и кремневой пластики эпохи неолита-бронзы оз. Андреевского Тюменской обл.) // ВАУ. - Вып. 23. - Екатеринбург, 1998; Носкова Л.В., Шорин А.Ф. Скульптурные зооморфные изображения на неолитических сосудах Кокшаровского холма // Миф и символ в прошлом и настоящем. - Нижний Тагил. 2007. - С. 22-27.

² Арефьев В.А. Зооморфные мотивы оформления края сосудов со стоянки Полуденка I // СА, - 1984, - № 1. - С.229-235; Ковалева В.Т., Арефьев В.А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопросы археологии Урала. - Вып. 21. - Екатеринбург, 1993. - С.107-118; Шорин А.Ф. О неолитических сосудах с зооморфными налестками Кокшаровского холма // III Берсовские чтения. Материалы научно-практической конференции. - Екатеринбург, 1999.

³ Ковалева В.Т., Арефьев В.А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопросы археологии Урала. - Вып. 21. - Екатеринбург, 1993. - С.107-118;

⁴ Носкова Л.В., Шорин А.Ф. Скульптурные зооморфные изображения на неолитических сосудах Кокшаровского холма // Миф и символ в прошлом и настоящем. - Нижний Тагил. 2007. - С. 22-27.

⁵ Мошинская В.И. О зауральских зооморфных изображениях, связанных с глиняной посудой (К вопросу о древних контактах в уральской среде) // Проблемы археологии и древней истории угров. - М. 1972. - С.56-65.

⁶ Сериков Ю.Б. «Культ голов» в обрядовой практике древнего населения Урала // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. - Вып. 5, - Екатеринбург, 2007. - С.38-51.

⁷ Ковалева В.Т., Арефьев В.А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопросы археологии Урала. - Вып. 21. - Екатеринбург, 1993. - С.107-118;

⁸ Носкова Л.В., Шорин А.Ф. Скульптурные зооморфные изображения на неолитических сосудах Кокшаровского холма // Миф и символ в прошлом и настоящем. - Нижний Тагил. 2007. - С. 22-27)

⁹ А.А.Бунькова. Керамика с фигурными налестками из фондов Нижне-Тагильского музея заповедника // Тагильский вестник. Историко-краеведческий альманах. - Н.Тагил. 2010. - С.193-208.

¹⁰ Панина С.Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005-2006 гг.) // Вопросы археологии Урала - № 25, - Екатеринбург, 2008. - С. 137-147.

¹¹ А.А.Бунькова. Керамика с фигурными налестками из фондов Нижне-Тагильского музея заповедника// Тагильский вестник. Историко-краеведческий альманах. - Н.Тагил. 2010. - С. 201,207. - Рис.4-7.

¹² К сожалению, у автора не было возможности проверить этот тезис на всей выборке керамики с барельефными изображениями, опубликованными коллегами.